

Моя мать часто рассказывала мне истории о старых богах. Радис. Кетрикс. Эльфион. Онара. В те ночи я изо всех сил старался не заснуть, борясь с постоянно растущей тяжестью век, отчаянно пытаюсь продержаться еще хоть одну сказку, желая лишь одного — быть вовлечённым в их победы и сражения до самого утра. С детства мне внушали, что однажды я присоединюсь к ним, но не как проситель перед божеством, а как само божество. Вот что значило быть Кэрном, сыном Ги́ла, потомком самого Тотара. Когда я перейду в загробный мир, наблюдатель увидит чистоту моей родословной, ценность моей души и примет меня в Вальхаллу. Я был обладателем благородного дара. Все, что мне нужно было сделать, это с честью погибнуть в бою.

Они лгали.

День моей смерти начался достаточно невинно. Мачеха суежилась вокруг меня, как обычная служанка, разбрасывала одежду, держала ее, цокала языком, а потом клала обратно.

— О, почему у нас нет для тебя ничего фиолетового. Ты выглядишь так нарядно в фиолетовом, — волновалась Женевьева. Я натянул одеяло на голову, надеясь, что если я буду просто игнорировать ее, она уйдет. Звук шуршания ткани продолжался, сопровождаясь короткими отрывистыми вздохами. Раздражает.

Я с размаху сбросил одеяла и сел. Она была где-то в глубине шкафа, умудрившись полностью исчезнуть в просторах крашеной шерсти и хлопка.

— Я найду что-нибудь подходящее, — сказал я, с трудом сохраняя сдержанную вежливость. — Это коронация, мама, такая же как и все остальные. Корона переходит от отца к сыну.

— Это историческое событие. Не говори о себе так, будто ты не имеешь значения, дорогой. — Она перешла через щель двойной двери на другую сторону, чтобы еще больше потревожить мое одеяние. — Ты принц, и, что еще важнее, мой дорогой мальчик. Я просто дам тебе несколько вариантов на выбор. Я знаю, каким ты бываешь.

Когда я, наконец, вернусь в Пантеон в загробном мире, я думаю, что простое выживание моей мачехи будет занимать главное место среди моих наград. Трудно назвать человека, более раздражающего или вообще надоедливого. Контраст между моими родителями был почти комичным. Отец — живая легенда. Он объединил Силадон под единым флагом. Он сражался в бесчисленных войнах, истреблял армии, умирал мятежи и устанавливал мир.

А еще есть моя мачеха, чьи достижения включают дипломатию во время чаепития, подбор нарядов и должность заместителя председателя — да, вы правильно прочитали, заместителя председателя Книжного Клуба Благородных Дам. Логика не перестает сбивать с толку. Не то что бы не было лучших вариантов. В Уайтфолле было много сильных воинов, как мужчин, так и женщин. Турниры стали более ожесточенными и менее разделенными по половому признаку. У Короля Ги́ла был выбор из множества подходящих, превосходных пар. И все же он выбрал ее. Женевьеву. Возможно, после всех своих достижений мой отец просто хотел чего-то... простого.

— Не говори этого. — Предупредила мама. Она перестала болтать и стала наблюдать за мной из шкафа.

— Что не говорить?

— О чем бы ты ни думал. Ты всегда смотришь так прищурено перед тем, как сказать какую-нибудь гадость.

— Такие жестокие, необоснованные обвинения. — Я притворился обиженным.

Мама фыркнула, умудрившись выглядеть обиженной и безразличной одновременно, и продолжила свою работу. — Знаешь, как только ты перестанешь мечтать об этой девчонке...

— Хватит. — Гнев застыл у меня в горле, как горячая желчь. Я поднялся с кровати и протиснулся мимо нее в шкаф, схватил первую попавшуюся вещь, которая не выглядела слишком вычурной, и накинул ее, не обращая внимания на ее крик протеста и цепкие пальцы.

— Не забудь о подношении на сегодняшний вечер!

Они всегда были такими, мои родители. Им было недостаточно того, что они правили всем Силадоном. Нет, это было бы слишком просто. Они должны были доминировать в каждом аспекте нашей жизни. Я шел по коридору, слуги и другие низшие разбежались с моего пути. Всем вдруг захотелось куда-то пойти, и я понял, что ношу то, что моя младшая сестра называла — Лицом Тирана. — Неважно. В любом случае сейчас это больше подходило для моих целей, я бы предпочел, чтобы меня не задерживали с моей бесцеремонной прогулкой к воротам. Мне нужен был такой воздух, который бывает только за пределами замка.

Гром гремел, угрожая оглушить любого, кто находился в пределах слышимости, несмотря на отсутствие на небе ни единого облачка. Кто-то вскрикнул во дворе. Еще одна вспышка молнии, еще один вопль. Я не мог удержаться от улыбки. Моя старшая сестра снова «спарринговалась» с охранниками.

Внутренний двор представлял собой зону бедствия. Трава была выжжена до черноты, увенчанная вишнево-красными угольками, догорающими только для того, чтобы тут же вспыхнуть вновь. Удивительно было то, как мало внимания привлекала эта сцена. Люди ходили взад и вперед по дорожке, едва поднимая брови, иногда приостанавливаясь, когда в их сторону бросали потрескивающий шар огня, или бросая недовольный взгляд, когда получали удар током вблизи. Забавно, насколько обыденными становятся даже самые странные события, когда проходит достаточно времени.

Гвардейцы мало что делали, хотя, вероятно, потому, что они в основном лежали на земле, некоторые тяжело дышали, другие были полностью без сознания. Несколько скандирующих жрецов в церемониальных одеяниях Бахала ходили среди дюжины тел, время от времени останавливаясь, чтобы брызнуть багровой водой на лбы наиболее «тяжело» раненых. Судя по моим ограниченным знаниям, вода обладала лишь скрытой магией, а химический запах, от

которого у меня голова шла кругом, был в основном нюхательной солью.

Несчастные ублюдки.

Сера направилась в мою сторону, неловко пытаясь перешагнуть через невероятно широкого мужчину, но потом сдалась, задрала мантию и использовала его грудь как мост для ног. Моя старшая сестра сняла перчатки для практики. Она была почти трагически высокой, возвышаясь над всеми женщинами замка и большинством мужчин. Сколько я себя помню, ходили слухи, что Сера — полуэльф. Полная чушь, но, в отличие от многих слухов о моей сестре, в этом была какая-то логика: ее рост и магия.

Сотни лет назад мы думали, что магия принадлежит исключительно полулюдям. Что это результат их наследия, или какая-то способность, уникальная для их психологии, или, что более еретично, для их богов. Но когда люди начали расселяться по Силадону, талант стал проявляться у каждого тысячного.

— Мой сеньор, — сказала она с глубоким поклоном, глаза блестели от моей жесткой реакции.

— Прекратите это дерьмо.

— О, Боже, какие мы раздражительные сегодня утром. Опять проснулись не с той стороны матери?

Я безучастно смотрел на нее, гадая, задумалась ли она когда-нибудь о последствиях своих слов.

— Ну, так что? — Она надавила. Ее холодные глаза сверкали в лучах зимнего солнца.

Я шагнул мимо нее, делая вид, что осматриваю обломки. Даже кустарник был побит и помят, жалко склонившись набок. — Я вижу, ты терроризировала прислугу.

— Кэрн, — предупредила она, — они верные рыцари, наша первая и последняя линия обороны.

Я продолжал смотреть в пустоту, не давая ей ничего понять. Наконец, мы оба сломались, раскалываясь под небом, залитым солнцем.

— В конюшню? — спросил я.

— Конюшню.

Мы прошли через нижние секции к внешнему двору и конюшне. Замок был мечтой

архитектора: огромный и устрашающий, неизменно ставящий форму выше функциональности. После целой жизни, проведенной в его стенах, ощущение очарования исчезает, и единственное, что в нем хоть отдаленно интересно — это его различные особенности. Например, здесь холодно круглый год, поэтому на высоких крышах скапливается снег, и достаточно одного порыва ветра, чтобы он сорвался и обрушился на ничего не подозревающего человека. Можно поспорить, кто попадет под удар следующим.

Сера прогнала конюхов и, тщательно проверив, одни ли мы, ворвалась в одно из стойл и со знающей улыбкой достала бурдюк с вином.

— Подарок для его высочества. — Промурлыкала она. Я выхватил его у нее с большей силой, чем нужно.

— Если ты и дальше будешь отпускать такие глупые шуточки, высмеивая мой статус...

— Кто-нибудь соберет это воедино, да, да. Здесь никого нет. Расслабься. — Сера высунула язык и протянула поднятую руку.

— Во дворе было много свидетелей. — Я оскалился и сделал еще глоток из вредности.

— Плебей!

— Шалава.

Сера выхватила бурдюк с вином и прижала его к груди, словно ревнивый охотник за сокровищами, затем перевернула бурдюк и сделала несколько больших глотков, сохраняя зрительный контакт. Она передала его небрежно, как будто только что не выбросила перчатку. После минутного колебания я сделал легкий глоток, решив положить конец напряжению, пока мы оба еще держались на ногах. Мой разум ускользнул от меня, вызвав образ, который он всегда вызывал в последнее время: смуглая медовая кожа, шоколадные глаза, смотрящие на меня сквозь копну каштановых волос... Я прищурил глаза, нахмурившись.

— Привет, — прорезался сквозь образ голос Серы. Ее теплая рука лежала на моей руке. Я осторожно отодвинулся от нее, и она отпустила руку, опустив ее на бок.

— Мне жаль, Кэрн.

— Не надо. — Я сделал длинный глоток бурдюка с вином. Оно обжигало так, как хорошее вино никогда не должно обжигать, но мне удалось прояснить голову и испепелить нежелательный образ. В это мгновение ясности я посмотрел на свою сестру. Стороннему наблюдателю могло показаться, что мы были отличными друзьями. Как будто у нас были прочные отношения, зависимая связь поддержки и сочувствия. На самом деле мы полностью отдалились друг от друга чуть больше двух месяцев назад.

Отец рано вбил клин, решив, что если он сможет настроить нас друг против друга, мы будем более конкурентоспособными, более склонными к обучению. Они были правы. Но, к сожалению, обида, накопившаяся за все детство, — это не та вещь, которую можно просто так отпустить. Сера перестала меня ненавидеть только потому, что в редкий солнечный день полгода назад я открыл ей секрет, который изменил ход ее жизни. Тем не менее, для меня что-то значило то, что она пыталась: побуждала меня открыться. Набег на винодельню. Обращалась со мной как с другом и родным братом.

Это было не по-настоящему. Но все равно, это было... приятно.

— Они ужасны. Но они любят нас, — сказала Сера.

— Твоя проблема. Не моя. Уже нет.

Сера уставилась на меня, ее глаза были расчетливыми. — Это просто кажется нереальным. Это похоже на то, к чему ты вернёшься.

— Ты действительно похожа на Отца, Сера. Уже ищешь способ удержать то, что еще даже не принадлежит тебе.

В глубине конюшни раздалось фыркание, испугавшее нас обоих. Титан уловил мой запах. Я усмехнулся, оценив разрядку напряженности. Сера не выглядела веселой, ее губы были плотно сжаты. Я оставил ее допивать вино и подошел к серо-белой пятнистой лошади.

Через несколько минут я заменил Титану овес и расчесал его гриву. Отец чуть не впал в ярость, когда я выбрал его у торговца. — Есть боевые кони, а есть мирные. — Он поморщился. — Это мирный конь. С таким же успехом можно выбрать себе хорошего толстого пони.

Конечно, он упустил важную информацию. Но даже тогда я по крупицам собирал план. Толстая и крепкая лошадь, которую предпочитал мой отец, имела бы больше шансов против копья, но я не собирался сражаться ни с одним копейщиком, а медленная лошадь с тяжелой походкой оставляла бы глубокие следы и была бы полной помехой тому, что последует дальше.

Когда я вернулся, Сера все еще была мрачна. Она смотрела на меня, как будто ожидая ответа, который я раньше не дал.

— Поскольку ты явно не собираешься оставить это так, я могу рассказать тебе остальную часть плана.

— О? — Сера подняла бровь.

Я жестом подозвал ее поближе, чтобы она говорила шепотом. Может быть, немного параноидально, но у нашего главного шпиона был практически весь персонал на

дополнительном жаловании.

Я рассказал ей остальную часть своего плана, и ее глаза расширились.

Мы провели час верхом — с неохотой, со стороны Серы, она так и не освоилась, — прежде чем появился гонец и забрал ее.

Я как раз достал из винного погреба второй бурдюк и подбросил его к небу, когда рядом со мной, словно из воздуха, возник человек в темной мантии.

— Господин, — сказал он, как будто спонтанное появление из ниоткуда было вполне разумным.

Я поперхнулся. — Старшие боги, Таддеус. — Мое горло все еще сжималось от выпитого вина.
— Кто-то должен привязать тебе на шею чертов колокольчик.

— Очень смешно, милорд. Однако я полагаю, что это помешает моей цели. — Его голос был сдержанным и мягким.

— Я полагаю, у вас есть причина быть здесь? — спросил я. Даже если бы я не ненавидел Таддеуса полностью, он был плохой компанией в лучшие времена: наряду с тем, что он был шпионом моего отца, так ещё по своей природе коварным и тревожно проницательным — сочетание, которого я должен был избегать любой ценой. Просто разговаривать с ним сейчас было опасно. Он был из тех людей, которые могут пристально смотреть на вас через тесную комнату и безошибочно угадать, чем вы занимались в этот день, основываясь лишь на вашей внешности и расположении духа.

Таддеус открыл рот и закрыл его, глядя через мое плечо. Раздался грохот. Я проследил за его взглядом и увидел человека в серой форме наемника, который, пошатываясь, шел по коридору, не обращая внимания на опрокинутый им кашпо. Дядя Лютер прошел мимо нас и схватил меня за плечо, глядя на меня сквозь длинную сальную челку с выражением, которое можно было истолковать только как ненависть и презрение. Я даже не потрудился принять это на свой счет. Можно было по пальцам одной руки пересчитать количество людей, на которых Лютер так не смотрел, моя младшая сестра Аннет и...

Собственно, может быть, это была только она.

— Я надеюсь, что после того, как трон станет вашим, вы скоро отправите этого человека в отставку, — сказал Таддеус. — Он позор для семьи.

— Я подумаю об этом, мастер шпионажа. Это все? — спросил я.

Он по-совиному посмотрел на меня, и я проклял свои нервы, задаваясь вопросом, какое именно извращенное видение он извлек из моего ответа.

— Есть одно важное дело. — Таддеус настороженно оглядел нас.

— Тогда приступайте к делу.

— У меня есть сведения, что эльфы в движении.

Мурашки пробежали по моей коже. — Где?

— В Алебастровом лесу.

Интерес, возникший у меня, тут же угас. Алебастровый лес находился в сотнях миль отсюда. Он также являлся резервацией эльфов. Это делало этот вопрос сразу же занесенным в категорию «вероятно, что это ничего не значит» и «не моя проблема».

— Они эльфы. Они делают что-то в лесах, — сказал я, продолжая свой путь к воротам замка. Таддеус слегка хмыкнул.

— Совершенно верно, милорд, — сказал он голосом, не располагающим к сантиментам, — но все гораздо сложнее. Мой оперативник считает, что они мобилизуются, готовятся к атаке.

Если бы разговор продолжался дольше, он бы начал складывать все воедино. Я повернулся и хлопнул его по плечу.

— Таддеус, друг мой, ты знаешь, что я в тебя верю. Но есть причина, по которой ты говоришь со мной, а не с нынешним королем. Что тебе нужно?

— Если вам будет угодно, мой господин, позвольте отправить небольшой полк для разведки и устрашения.

Ах, так вот почему он пришел ко мне. Отец хотел, чтобы на коронации все были в сборе. Не имело значения, что последние пять лет мы не участвовали ни в чем, даже отдаленно напоминающем войну. Я почти слышал его голос в своей голове. — Вы должны продемонстрировать силу. Все посетители должны видеть могущество своего будущего короля.

Маленькая игра в неподчинение, в которую играл Таддеус, раздражала больше из-за того, что он правильно меня понял, чем из-за реальной лояльности к королю, но если бы мне пришлось выбирать между раздражением Таддеуса и раздражением Отца, это не было бы большой дилеммой. Трагедия заключалась лишь в том, что я не мог поступить и так, и так.

Я пренебрежительно махнул рукой. — Сделай это. Посылай столько, сколько нужно.

— Спасибо, милорд, — сказал Таддеус, но, к большому моему разочарованию, не отставал от

меня. Мы шли в напряженном молчании, пока он, наконец, не остановился.

— Могу ли я дать вам совет, милорд?

Я скрестил руки. — Продолжай.

— Давайте... поговорим гипотетически.

Волосы на моем затылке зашевелились и поднялись. — ... Пока это не отвлекает от сути.

Он улыбнулся, выражение лица было тревожным и неуместным. — Скажем, в этом гипотетическом сценарии я - принц, и моя коронация не за горами.

— Как странно знакомо. — Я огляделся вокруг. Все люди поблизости разом исчезли, оставив коридор пустым.

— Давайте также скажем, ради дикого предположения, что я был зол. Даже разгневан.

Черт.

Мне потребовалось все, что у меня было, чтобы сохранить спокойное выражение лица. В груди нарастало беспокойство. Как много он знал?

— На что тут злиться? — спросил я, пожимая плечами. — Ты собираешься стать королем. — Таддеус поднял бровь, и я пожалел, что не промолчал.

— Но предположим, что я им стал. Представьте на мгновение, что мои родители допустили серьезный просчет в своих попытках подготовить меня к престолонаследию. Они хотели как лучше, но глубоко ранили меня.

— Я не могу представить, чтобы вы позволили своим эмоциям встать на пути. На самом деле, я даже не уверен, что они у вас есть. Эмоции, то есть.

— Конечно. — Таддеус надулся — образ, без которого я действительно мог бы обойтись. — Но представьте на мгновение, что я — ничтожный человек. Для любого было бы заманчиво воспользоваться этими событиями, чтобы восстановить... справедливость. По крайней мере, использовать коронацию, чтобы опозорить их.

Облегчение захлестнуло меня, и я расслабился. У него было некоторое представление о ситуации, но ничего конкретного. Вся эта беседа была не более чем попыткой выудить информацию. И все же что-то в его манере было сомнительным.

— Немного опасно называть короля ничтожеством, не так ли? — Спросил я его, подпустив льда в свой тон. — Это звучит почти как гипотетическая измена, Таддеус.

Таддеус низко поклонился, демонстрируя свою слишком белую улыбку. — Я живу, чтобы достойно служить, милорд. Простите этому старику случайный полет фантазии.

— Не думай об этом.

Я отошел на несколько шагов, быстро увеличивая расстояние между нами, прежде чем меня осенила идея. — Таддеус, — осторожно сказал я. — Скажи, что на рынке, мне захотелось купить одежду.

— Одежду, милорд? — Его борода дернулась.

— Через день мне придется быть очень избирательным в выборе нарядов. Допустим, в свой последний день свободы я хочу выложиться по полной. Куда мне пойти в Уайтфолле, если я хочу примерить все?

— Ах. — Таддеус наклонился вперед, его лицо стало чересчур серьезным. — Возможно, у меня есть несколько идей.

Следующие четыре часа были изнурительными. Несколько минут я тихо наслаждался блаженством, прежде чем наклониться, чтобы поцеловать Иллию в щеку. Рета зыркнула на меня с другой стороны, и я отодвинул ногу Катарины с дороги, кажется так ее звали, чтобы поцеловать Рету в лоб. Мне вдруг захотелось просто забыть о своей коронации и остаться здесь до конца дня, да хоть до конца года. Что бы вы ни говорили о Таддеусе, он был мастером в двух категориях: лжи и подкладывания.

Со вздохом я преодолел клубок тел и, пошатываясь, сошёл с кровати под какофонию разочарованных возгласов. Их дымчатые глаза почти притянули меня обратно, а их энтузиазм был заразителен.

— Господин!

— Не уходите пока!

— Мы только начали.

— Вы даже не попробовали развлекательную часть меню.

— Честно говоря, если бы мы жили в Пантании, я бы взял вас всех в жены, мои дорогие. Но, к сожалению, это Ускар. — Я наклонился к голове Катарины и театрально прошептал: «Мы

должны хотя бы притвориться моногамными».

— Жаль.

Я надел куртку и застегнул брюки. — Оплакивайте меня, новые друзья, ибо я иду туда, куда вы не сможете последовать. — Мое прощание было встречено воркованием, возгласами и страстными позами, и я бросил последний долгий взгляд, надеясь запечатлеть эту сцену в памяти.

Отсюда было рукой подать до Благородного Камзола. Там мои друзья угощали меня выпивкой, пока я шутил, подтрунивал и старательно пытался думать о них по-доброму. Они не виноваты в том, что их родители были коварными ублюдками. Я пытался думать, что в другом мире, если бы я не был наследником престола, мы бы все так или иначе оставались друзьями. Потом кто-то беззаботно пихал меня локтем и слишком небрежно упоминал о назначении при дворе или об услуге, которая будет названа позже, и иллюзия рушилась. Слова моего отца эхом отдавались в моей голове. — У короля нет друзей. У него есть союзники.

Пожалуй, это единственное мнение, в котором мы были согласны.

Бард, либо невероятно проницательный, либо абсурдно удачливый, заиграл единственное инструментальное исполнение «Плача принца». Я соскользнул с табурета и подошел, мир пьяно шатался из стороны в сторону. Бард забавно приподнял бровь и продолжил играть. Значит, не совпадение. Слишком умный. Его одежда была потрепанной, лицо грязным и неумытым. Меня охватило чувство уважения. Благородный камзол оказался великоват. Из этого следовало, что этот конкретный бард изрядно постарался, чтобы попасть сюда.

— Приветствую барда.

— С сожалением, благородный.

Болтливый. Он мне сразу понравился. Интересно... он не поправил меня, это означает, что он либо беспринципный, либо настоящий бард. Странствующих менестрелей и воинов в этих краях было не больше дюжины, но настоящие барды встречались редко.

Я поднял руку с двумя пальцами и посмотрел в сторону бармена, прося налить нам обоим. Бард благодарно поклонился, не прекращая играть на струнах. Разносчица принесла напитки. Мой был подан в том же украшенном металлическом стакане, из которого я пил последний час, а барду принесли испачканную деревянную кружку. Я экспериментально понюхал ее и поморщился, бросив взгляд на бармена, прежде чем поменять напитки местами.

Я сделал длинный глоток из деревянной кружки, поморщившись от едкого вкуса в горле. — Сандер заставлял тебя пить эту мочу весь день?

Бард пожал плечами, сыграл последний аккорд припева и остановился, протягивая руку, чтобы взять обменную кружку. — Пиво есть пиво, милорд. — Он понюхал свой новый напиток и с наслаждением сделал глоток, смакуя его. — Однако фэды растают в луже, прежде чем я откажусь от Отерона. Приятно видеть, что не все в этих краях забыли о гостеприимстве. — Его акцент выдавал, что он приезжий. Некоторые согласные были удлинены в тонком старом провинциальном говоре.

— И это хорошая часть города. Держись подальше от Верхнего города, если сможешь, — мрачно сказал я, — ничего, кроме несчастья, там не найти.

— Благодарю за совет, — ответил бард, хотя я подозревал, что он и так все знает.

Верхний город, как ни странно, относился не к истинному северу Уайтфолла, а скорее к западу. Когда город только был основан, сначала были построены замковый, торговый и образовательный районы, которые располагались ближе к дороге, чтобы облегчить торговлю и доступность. Более бедные и менее востребованные районы были оттеснены на запад. В то время как восточные районы были правильно распределены, с разумным расстоянием между каждым зданием и ухоженными дорогами, западные районы были тесными, здания в дальнем конце были прижаты к самой горе. Со временем дороги становились все меньше и меньше. Это был географический эквивалент петли палача. Соответствующие волнения и, в конечном итоге, потрясения были так же неизбежны, как дыхание, хотя мой отец подавил их так безжалостно, что после восстания девять лет назад шума было немного.

— Как давно вы в городе? — Спросил я, пригубив пиво с таким негодованием, какое только может быть у человека по отношению к напитку, и подавая знак налить еще.

— Неделю? Плюс-минус день. Из-за постоянно темнеющих туч трудно уследить за временем в этих краях. — Он взял одну ноту на открытой струне, настроил соответствующую струну, затем перешел к следующей.

— Спасибо Эльфиону за сегодняшнее солнце. Если думаешь, что сейчас все плохо, подожди, пока не придет зимний период, — пошутил я, — в конце концов, все перестанет зависеть от того, насколько холодно, и станет вопросом о том, как долго выйдет оставаться на улице, прежде чем испустишь последний вздох.

Бард вздрогнул. — Слишком много для моей летней крови. К тому времени я уже буду далеко. — Мои друзья наконец-то заметили мое отсутствие и бросали вопросительные взгляды в мою сторону. Я вздохнул.

— Мне пора возвращаться.

— Было очень приятно, милорд. — В его голосе прозвучал намек на что-то, но он был слишком тонким, чтобы понять, насмехается ли он надо мной.

— Скажи, бард.

— Да, милорд?

— Как у тебя дела с композицией?

После недолгих переговоров я оставил ему приглашение на коронацию, рекомендательное письмо и рекомендацию к моему любимому местному портному, обещание рассказать историю, о которой стоит писать песни, и достаточно серебра, чтобы прокормить его в течение года. Его глаза расширились, когда я положил серебряные прутья на стол, и на этот раз его беззаботное отношение пошло прахом. Он выхватил их, обводя взглядом комнату, чтобы убедиться, что никто не видел масштабов обмена. Я обратился к нему с несколькими просьбами, и он с радостью их выполнил. Мои друзья выпили все до дна и пели вместе со мной. Остальные дворяне заметили и последовали их примеру. На одно прекрасное мгновение респектабельный «Благородный Камзол» превратился в более непристойное заведение, прохожие заглядывали внутрь, гадая, не забрели ли они ненароком в верхний город.

Никто из нас не предполагал, что разделение на верхние и центральные районы скоро станет не более чем строчкой в описательной истории мертвого города.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2343601>